

ЯКОВ ИОСИФОВИЧ СВИРСКИЙ

Род. 29 июля 1958 года в г. Москве. С 1959 по 1975 г. жил в г. Североморске Мурманской обл. Там же в 1975 г. закончил среднюю школу и в этом же году поступил в Московский Авиационный Институт им. Серго Орджоникидзе на факультет Радиозлектроники летательных аппаратов, который закончил в 1981 г. с дипломом по специальности радионинженер. С 1981 по 1986 г. работал инженером в Научно-исследовательском Институте Вычислительных Комплексов (НИИВК), где занимался разработкой и наладкой ЭВМ. В 1986 г. поступил в очную аспирантуру Института философии Российской Академии наук. В 1990 г. защитил кандидатскую диссертацию «Философские и методологические проблемы нелинейного моделирования». В 2004 г. защитил докторскую диссертацию по теме

«Нелинейный мир постнеклассической науки и творческое наследие Ж.Делеза». В настоящее время работает в лаборатории «Философские проблемы междисциплинарных исследований» Института философии РАН в должности ведущего научного сотрудника.

Еще до поступления в аспирантуру основной исследовательский интерес Я.И.Свирского был связан с философскими аспектами теории самоорганизации (синергетики). Данной теме была посвящена его кандидатская диссертация. После защиты диссертации тематика исследований Свирского значительно расширилась. В нее вошли как анализ общекультурных изменений в современном мире, так и вопросы, относящиеся к внутренним изменениям в самой науке. Ориентиром для подхода к подобного рода проблемам стал сравнительный анализ философских стратегий французского философа Жюлья Делеза и парадигмальных изменений в науке, связанных с появлением нелинейного моделирования и вычислительного эксперимента. В настоящее время в круг исследовательских интересов Свирского вошли темы, связанные с еврейской философией и эзотерическим знанием, в частности, философско-культурные аспекты учения «Каббала».

Работы Свирского публиковались в различных изданиях, в том числе на страницах журналов «Вопросы философии», «Общественные науки», *Internasional Politik* (Норвегия), «Философские исследования» и др.

Я.И.Свирский осуществил перевод книг Ж.Делеза «Логика смысла», а также «Критическая философия Канта: Учение о способностях. Бергсонизм. Спиноза», дополненное произведением Делеза «Эмпиризм и субъективность: опыт о человеческой природе по Юму».

Читает авторские курсы лекций на философском факультете МГУ по философским проблемам постнеклассической науки и постструктурализма.

Монография: Самоорганизация смысла: опыт синергетической онтологии – М.: ИФ РАН, 2001.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ДИАЛОГА

В статьях М.Лайтмана проект проведения сравнительного анализа между наукой каббала, философией и естественнонаучными теоретическими построениями и гипотезами может оказать неопределимую услугу не только в наведении мостов между, казалось бы, культурно разведенными стратегиями постижения мира, но и привести свой особый вклад в практическое разрешение тех кризисных и конфликтных ситуаций, которые будоражат современный социум. Однако тут следует учитывать ряд существенных моментов, которые одновременно и затрудняют такой анализ, и способствуют ему.

Каббала, по крайней мере, для каббалистов-практиков имеет древнюю традицию подхода к пониманию мироздания, – традицию, которая намного старше и философии, и естествознания. Причем в каббале, как традиционном учении, удерживается тот корпус знаний и практик, который был получен в период ее зарождения. Эволюция и развитие каббалы во многом состоит в том, чтобы на каждом новом историческом этапе воспроизводить и посредством такого воспроизведения обогащать полученные через откровение знания, приспособлявая последние (без утраты фундамента) к конкретным духовно-социальным условиям¹.

Философия же (если отвлечься от школьных и достаточно общих ее определений), несмотря на наличие в ней определенных, также устойчивых традиций, предстает, тем не менее, как некое гетерогенное предприятие, в котором даже базовые предпосылки не всегда могут быть сведены к какому-то общему знаменателю. (Вспомним хотя бы классическое деление философских направлений на материализм, идеализм, агностицизм, рационализм, иррационализм и т.п., учитывая, что подобные направления часто имеют идеологическую подоплеку). И такого рода гетерогенность, с одной стороны, способствует движению философской мысли, с другой – показывает, что далеко не каждое философское учение может вступить в диалог с каббалой. Или, если смягчить сказанное, отдельные философские стратегии могут плодотворно взаимодействовать с каббалой лишь какими-то своими гранями. И именно эти грани имеют решающее значение для указанного выше анализа.

Что касается естествознания, то, если принимать во внимание науку Нового времени и современные исследования, оно также ветвится на научные направления, которые, особенно сегодня, с трудом находят общие точки соприкосновения: физика, биология, психология часто претендуют на собственные эпистемологические основания. В том числе и поэтому в конце XX в. появились междисциплинарные исследования и научные направления, претендующие работать на стыке разных областей познания (например, синергетика, теория диссипативных структур, теория автопоэзиса). И именно такие междисциплинарные направления могут конвергировать и резонировать с каббалистической традицией.

Конечно же, и каббала, и философия, и естествознание нацелены на осмысление и освоение существующей реальности и положения человека в ней. Но, как справедливо указывает М.Лайтман, уникальность науки каббала состоит в ее интегративном характере. Каббала стремится привести человека (и приводит его) к интегральному, целостному восприятию действительности, когда мир не делится на высший и низший, интеллигентный и чувственный; каббала стремится открыть некий синтетический взгляд на мир в целом. И как раз такая интенция каббалы

¹ См.: Лайтман М.С., Розин В.М. Каббала в контексте истории и современности. – М.: URSS, 2005. – С.25 и далее.

сближает ее как с постнеклассической наукой, ориентированной на междисциплинарные исследования, так и с самыми современными философскими направлениями, стремящимися аккумулировать в себе (по возможности наиболее полно) разнообразный опыт философского мышления и ответить на наиболее животрепещущие вопросы современности.

Но, повторимся, в отличие от философии каббала имеет достаточно устойчивую традицию и удерживает свое начало (зафиксированное, например, в текстах «Сефер Ецира» и Торы). В отличие же от естествознания она не апеллирует только лишь к органам чувств (с их приборными приставками) и к разуму как единственным источникам познания. Практикующие каббалисты указывают на необходимость развития в человеке дополнительного «инструмента» познания, называемого «духовным органом ощущения», или «душой». Тогда полное раскрытие сути мироздания осуществляется не с помощью пяти органов чувств, а шести. Причем такое *шестое* чувство не сводимо к способностям разума, как это имеет место в рационалистических философских направлениях. Шестое чувство можно сопоставить (но не уравнивать), например, с интуицией А.Бергсона, также направленной на то, чтобы вызвать у человека некое целостное восприятие мира и себя, не предполагающее разбиения на внешнее и внутреннее, высшее и низшее и т.д.²

И здесь имеет место тонкий момент: само признание наличия такого рода чувства, такого дополнительного органа ощущения указывает на существование особого слоя реальности, принципиальным образом ускользающего из поля внимания разума и пяти чувств (что вовсе не подразумевает его однозначной непознаваемости) – слоя, именуемого в каббале «скрытым миром», или «миром духовным». И в этом пункте проступают параллели с некоторыми, до сих пор не утратившими своей актуальности, естественнонаучными теориями и гипотезами. Так, один из крупнейших физиков XX в. Дэвид Бом – создатель голографической модели вселенной – для объяснения странной взаимосвязи, существующей между, казалось бы, несвязанными событиями на внутриатомном уровне и разрешения квантово-механических парадоксов (в частности, ЭПР-парадокса) предложил различать два типа упорядоченности во вселенной: имплицативный и эксплицативный порядки. Поясним, что здесь имеется в виду.

Дело в том, что квантовая теория, предложенная Н.Бором, блестяще предсказывала многие явления, но, как полагал Бом, не давала базисной структуры мира, в то время как Бор и его последователи считали, что эта теория завершена и более ясной картины, наблюдаемой в квантовой области, быть не может. То есть квантовая теория отрицала наличие более широкой реальности, пребывающей вне пределов микромира, и накладывала запрет на дальнейшее вопрошание относительно последней. Напомним, что согласно теории Бора, элементарная частица – электрон – не существует вне наблюдения. Со своей стороны, Д.Бом с самого начала предположил, что частицы вроде электронов *существуют* и в отсутствие наблюдателя. То есть по ту сторону

² Относительно выработки интуитивного восприятия Бергсон писал: «Единственная задача философии здесь должна состоять в возбуждении известного рода духовной деятельности, затрудненной у большинства людей более полезными в жизни привычками ума... Выбирая, возможно, менее связанные друг с другом образы, удастся избежать того, чтобы один из них не занял место интуиции, так как тогда он был бы немедленно смещен одним из своих соперников. Действуя так... можно будет приучить сознание к совершенно особой и определенной склонности... Но для этого нужно еще, чтобы оно само пошло на такие усилия» (См. Бергсон А. Введение в метафизику // Бергсон А. Время и свобода воли. – М., 1910. – С.202). То есть научиться постигать мир интуитивно, по Бергсону, можно лишь через внутреннее изменение отношения к миру и к себе, требующее, в конечном счете, некоего сознательного усилия, скачка, «вспышки».

боровской реальности есть более глубокая реальность, которую Бом определил как поле особого рода и назвал его *квантовым потенциалом*, причем в отличие от гравитационных, магнитных и других полей сила такого поля не ослабевает с расстоянием, а равномерно распределяется по всему пространству. Более того, после долгих размышлений, Бом предположил наличие у квантового потенциала особого неявного (импликативного) порядка, который не схватывается нами с помощью «обычных» средств наблюдения и на базе которого возникает наш «осязаемый» мир (экспликативный порядок). Для описания импликативного порядка более глубокого уровня реальности Бом использовал метафору голограммы. Действительно, изображение на голографической пленке хорошо иллюстрирует суть импликативного и экспликативного порядков: интерференционная картинка, нанесенная на пленку, выражает скрытый импликативный порядок, скрытую полноту и целостность бесконечного числа изображений; сама же голограмма, которая проецируется пленкой при прохождении через нее лучей света, выражает экспликативный порядок, т.е. дает развернутую и наблюдаемую версию того или иного изображения. Тогда наш мир, согласно Бому, выступает в качестве некой «иллюзии» (хотя термин «иллюзия» здесь не совсем уместен), наподобие голографического изображения, ниже которого пребывает изначальный порядок бытия, порождающий всю наблюдаемую органами чувств реальность.

Особо стоит отметить ту роль, которую играет в данной модели свет. Поскольку на одной голографической пленке может быть запечатлено множество различных изображений, то, в зависимости от угла падения света, будут актуализироваться те или иные экспликативные порядки. С другой стороны, экспликативные порядки меняются в зависимости от точки зрения наблюдателя³. Поэтому расчленение реальности на составляющие выступает лишь как некая условность, отсылающая к более глубокому уровню, на котором во вселенной все взаимосвязано и нераздельно.

В этом отношении каббалистическое утверждение о том, что разница между материальным (эксплицитным порядком) и духовным (если под «духовным» понимать именно имплицитный порядок) существует только относительно человека, но не относительно Творца, оказывается когерентным голографической парадигме (голодинамике) Д.Бома. Или, как пишет М.Лайтман, определение духовного как особой части реальности, имеет смысл только относительно творений.

Действительно, поскольку все, что существует, выступает в качестве многообразия различных аспектов голодинамики, то не имеет смысла говорить о дихотомии сознании и материи, поскольку в данной модели наблюдатель сам является наблюдаемым. Фактически, Бом полагает, что сознание – это более тонкая форма материи, причем ее взаимодействия с другими формами материи лежат не на нашем (экспликативном) уровне реальности, а в глубинном импликативном порядке. Сознание проступает в виде различных степеней сворачивания и разворачивания всей материи, или, лучше, всей той духовно-материальной среды, голографическими выражениями которой являются психические и вещественные образования.

Даже деление объектов природы на живые и неживые лишается здесь своей концептуальной опоры. Одушевленное и неодушевленное оказываются неразрывно связанными друг с другом. Жизнь в скрытой форме пребывает во всей вселенной. Бом утверждает, что даже камень в определенном смысле живой, поскольку жизнь и интеллект присутствуют не только в материи, но и в «энергии», «пространстве»,

³ Теория Бома в этом пункте не противоречит воззрениям Бора: электрон, в зависимости от способа наблюдения, будет представлять либо частицей, либо волной.

«времени», во «всей ткани вселенной». И лишь мы как тварные существа абстрактно выделяем из голодинамики локальные предметности и ошибочно рассматриваем их как независимо существующие.

То обстоятельство, что разумная, духовная составляющая мироздания не ограничивается только лишь человеческим телом, с другой точки зрения и исходя из иных интуиций обосновывал в своих теоретических построениях влиятельный англо-американский ученый Грегори Бейтсон, мышление которого принципиальным образом междисциплинарно. Бейтсон, как и Бом, также отстаивал холистический взгляд на мир, противопоставляя последний господствующей в науке картезианско-кантовской стратегии мышления. Делая в своих изысканиях акцент не на вещах, а на отношениях между ними, Бейтсон указывал пути для преодоления картезианского дуализма сознания и материи⁴.

Для описания физических, биологических, социальных систем и комплексов Бейтсон использовал кибернетическое представление об *обратной связи*: любое природное образование представляет собой совокупность кольцевых причинно-следственных цепей, когда первое звено цепи испытывает воздействие со стороны последнего звена. В результате такая кибернетическая система обретет способности к саморегуляции, самокоррекции и оптимизации собственного поведения. Бейтсон полагал, что чем сложнее природное образование, тем из большего числа колец обратной связи оно стоит. В пределе все мироздание может быть представлено как некая коммуникативная система, или сеть, в которой посредством обратных связей осуществляются метаболические процессы обмена веществом, энергией или информацией. И если предположить, что разумное поведение как раз и состоит в способности к саморегуляции, а шире, к самообучению посредством оптимизации поведения в разнообразных условиях существования, то его носителем будет выступать не только мозг, но и все человеческое тело, а также окружающая это тело среда, поскольку обратные связи выходят за пределы любой ограниченной телесности. Более того, в таких сложных системах с обратной связью не существует выделенных центров управления (типа инстанции «Я») поскольку последние сами являются элементами кольцевых цепей. Любое центрирование, любое приписывание какому-либо локусу сети выделенных управляющих функций является иллюзорным и свидетельствует, согласно Бейтсону, об отсутствии системной мудрости. И поскольку во главу угла здесь ставятся не вещи, а отношения, то все, чему приписывается выделенный статус управляющей инстанции, в конечном счете выступает лишь как некий системный эффект. Разум, превратившись в показатель сложности системы, приписывается здесь не только человеку, но и любой сложноорганизованной структуре, а в пределе всему мирозданию.

Далее, Бейтсон полагал (и демонстрировал это в своих этнографических, экологических, социальных и психологических исследованиях), что мироздание, организованное как сеть коммуницирующих обратных связей, иерархизировано: каждая сложная система вместе со своими метаболизмами существует в контексте

⁴ «Для меня картезианский дуализм был непреодолимым барьером. Читателя может развлечь то, как я пришел к определенному виду монизма – убеждению, что разум и природа образуют неизбежное единство, в котором не существует разума отдельно от тела и нет Бога отдельно от его творения. И как, исходя из этого, я научился смотреть на мир, когда я начинал работать. Правила тогда были совершенно ясными: в научном толковании не должны использоваться ни разум, ни божество и не должно быть ссылки на конечные цели. Все причинные связи должны меняться с течением времени, причем нет никакого влияния будущего на прошлое или настоящее» (Бейтсон Г., Бейтсон М.К. Ангелы страшатся. – М., 1994. – С.19–20).

(или окружении) более сложной системы, с которой она также обменивается веществом и информацией, и так далее. Причем такой контекст качественно определяет поведение системы⁵. Такая иерархия контекстов может интерпретироваться как иерархия миров и, соответственно, иерархия разумов, имманентных этим мирам, – сетевых разумов, структурно сопряженных друг с другом. Причем термин «разум» имеет здесь расширенное значения, выходящее за граница картезианско-кантовского истолкования разумно-рассудочной деятельности субъекта. Под этот термин уже подпадают и бессознательное, и эмоционально-чувственная жизнь человека, и те плохо артикулируемые способности последнего, которые позволяют ему продуктивно двигаться в более широких, а потому не ухватываемых чистым *ratio* контекстах. Отсутствием системной мудрости как раз и будет выступать невнимание к таким особому рода способностям (шестому чувству) и эгоистическое стремление представить собственное «Я» в качестве последней управляющей и познающей инстанции⁶. В противовес эгоистической установке разума Бейтсон настаивает на особом типе духовно-разумной деятельности, которая имманентна «не только телу, а также контурам и сообщениям вне тела», поскольку «есть больший Разум, в котором индивидуальный разум – только подсистема. Этот больший Разум можно сравнить с Богом, и он, возможно, и есть то, что некоторые люди понимают под «Богом», однако он по-прежнему имманентен совокупной взаимосвязанной социальной системе и планетарной экологии»⁷. Причем такой экологически понятый Бог не злобен и не мстителен. Мнимая агрессивность Бога – лишь обратная реакция сверхсложной системы, в которую включен и человек, на опрометчивые действия последнего – действия, основанные на эгоистическом самоцентрировании. Отказ от самоцентрирования, от позиции изолированного наблюдателя подразумевает феномен веры, но не догматической веры во всеблагого Творца, а веры как инструмента постижения высших контекстов (или параметров порядка), задающих условия обратной связи для менее сложных подсистем. И в таком случае устойчивое существование и эволюция мироздания зависит не только от действий людей, но и от их мыслей, эмоций, желаний и чувств.

В таком случае, каббалистическое понимание статуса молитвы, как его описывает М.Лайтман, во многом резонирует с экологической парадигмой сознания Бейтсона, поскольку молитва здесь выступает не как одностороннее увещание Творца, а как средство выработки правильного (экологического) отношения к последнему. Причем выработка правильного отношения совпадает с переструктурированием отношения к самому себе, или самоисправлением, направленном на целостное видение реальности.

⁵ «Обучение всегда происходит в некотором контексте, имеющем формальные характеристики... Этот структурированный контекст также размещается внутри более широкого контекста (если хотите, метаконтекста), и эта последовательность контекстов образует открытую и, по-видимому, бесконечную серию... Происходящее в более узком контексте будет подвергаться воздействию более широкого контекста, внутри которого обретает свое существование меньший. Между контекстом и метаконтекстом может возникать неконгруэнтность (конфликт)... Тогда организм сталкивается с дилеммой: либо быть неправым в первичном контексте, либо быть правым по неправильным причинам или неправильным образом» (Бейтсон Г., Бейтсон М.К. Ангелы страшатся. – М., 1994. – С.269).

⁶ «Коль скоро наши разумы (в узком понимании как наши Я. – Я.С.), включая наши инструменты и наши действия, – это только части большого разума, его вычисления могут быть искажены нашими противоречиями и искажениями. Коль скоро имманентный разум включает наше безумие, он сам неизбежно подвержен возможному безумию. С помощью нашей технологии мы вполне способны вызвать безумие большей системы, частью которой являемся» [Там же, с. 432].

⁷ Бейтсон Г. Экология разума. – М., 2000. – С.426.

Итак, наблюдаемые аналогии в интенциях современного естествознания и науки каббала позволяют выдвинуть гипотезу, согласно которой синтетическое видение мира, в котором так нуждается современное мышление, может быть конструктивно развернуто лишь в режиме интенсивного диалога разных, если можно так выразиться, культурных программ. Причем каббала в рамках такого диалога выступает в качестве духовного катализатора нового мировоззрения, конструктивным образом сочетающего в себе достижения самой передовой научной и философской мысли.